

100
f 385

ПО ПОВОДУ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЕРЕОЛОГИИ

На материале группы лексем, обозначающих части тела, исследуются отношение часть — целое и некоторые способы его выражения в русском языке.

Был один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно.

Д. Хармс

Настоящая работа посвящена проблеме представления отношения часть—целое в русском языке. Для простоты исследуется небольшой фрагмент языкового материала — а именно: отношение часть—целое, устанавливаемое на множестве частей тела.

Представим себе тело человека или животного. Будем мысленно последовательно делить его на части, имеющие название в русском языке. Условимся, что каждый шаг деления принимается за ступень некоторой (пусть грубой) иерархии. Так, например, пальцы (большой, указательный, средний...) принадлежат одной и той же ступени иерархии, и при этом другой, чем рука (или нога). Выделенные последовательно части тела образуют множество, из которого мы можем выбирать аргументы отношения XrY , где X является частью Y . В русском языке это отношение может быть представлено по крайней мере тремя способами — конструкцией с родительным падежом (*хвост осла, ноготь мизинца*), конструкцией с предлогом *у* (*нос у Ковалева*) и конструкцией с предлогом *на* (*в*) — *пальцы на руке*. При этом конструкция с родительным падежом выражает это отношение так сказать «в чистом виде», тогда как предлоги *у* и *на* (*в*) — с некоторыми семантическими добавками; в нашем случае это проявляется в тех дополнительных ограничениях на Y , которые требуют употребление двух последних конструкций. Для подмножеств

226

ДИКТИО 9

ва частей тела верно, что при установлении отношения XrY конструкция с y требует только одушевленного Y -а, а конструкция с $на/в$ — только неодушевленного*.

Определим, что отношение часть—целое представимо в русском языке для данных X и Y , если оно может быть выражено хотя бы одним из указанных выше способов.

Возьмем некоторую часть X и будем для нее выбирать целое Y . Возникает вопрос, каким должен быть Y , чтобы данное отношение (для частей тела) было представимо.

Выясняется, что прежде всего должен существовать некоторый Z одной ступени иерархии с Y -м, такой, что XrY и XrZ . Если это условие не выполнено и X вступает в данное отношение только с Y -м мы будем называть такое отношение денотативно фиксированным. Для того чтобы отношение часть—целое было представимо в русском языке, оно не должно быть денотативно фиксированным. Примеры такого отношения: ладонь (мизинец) правой руки — XrY (ср. XrZ — ладонь (мизинец) левой руки); пятка (колени) правой ноги (ср. левой ноги); мышцы спины (ср. мышцы шеи, живота...). Примеры денотативного фиксированного отношения между частью и целым: ухо — голова, пупок — живот, глаз — лицо, пятка — нога, палец — конечность и т. д. В этих случаях для части нет альтернативного целого — нельзя сказать *ухо головы, так как ухо ничего другого не часть, точно так же как пупок есть только на животе, пятки — только на ногах и т. д. (ср. *пупок живота, *пятки ног...). Легко видеть, что денотативная фиксированность отношения часть—целое свойственна прежде всего единственным частям, таким как нос, хвост, вымя, лоб, спина, язык и т. п. Этим же свойством обладают и те парные части, для которых в языке не нашлось двух парных целых, ср. бок, ключица, почка, крыло, плечо, ухо, рука, нога, губа, висок и т. п. Представимыми для такого рода частей будут только отно-

* В действительности, правила употребления этих предлогов более сложные (в частности, y , вообще говоря, допускает неодушевленное целое для части, ср. *спинка стула*), но на данном материале ограничение можно сформулировать и таким упрощенным образом.

шения с целым-человеком или целым-животным, ср. *крыло орла, бок теленка, глаза прекрасной Елены* и т. д.

Результатом действия правила денотативной фиксированности может быть не только то, что, некоторое целое не представимо по отношению к некоторым своим частям, но и то, что это целое не представимо по отношению к **любым** своим частям, т. е., собственно говоря, вообще не выступает в языке как целое. Ср., например, лексему *тело* в русском языке: в силу его денотативной фиксированности как второго аргумента отношения XrY , оно непредставимо как целое по отношению ко всем своим частям — рукам, ногам, спине, животу и т. п. (О коже тела см. ниже.)

Итак денотативно фиксированное отношение часть—целое не представимо в русском языке, по крайней мере конструкцией с родительным падежом*. Что касается конструкций с *на*** , то они, помимо собственно отношения часть—целое, указывают местонахождение X -а по отношению к поверхности Y -а. Поэтому правило денотативной фиксированности для этих конструкций, на первый взгляд, работает не так жестко, как для конструкций с родительным, ср. допустимое *бакенбарды на его лице поседели*, при невозможном **бакенбарды его лица поседели*. Однако в действительности это объясняется не тем, что конструкции с *на* не подчиняются правилу, а тем, что локативное значение, выражаемое этим предлогом, добавляет противопоставлений там, где у значения чистого отношения часть—целое их не может быть. А именно: конструкции с *на* могут кодировать не только собственно отношение XrY , а и отношение между определенной частью X -а и Y -м, ср. *бакенбарды на (его) подбородке и щеках (поседели)*, но: **бакенбарды подбородка, щек...* Если бы конструкция с родительным падежом оказалась в данном случае грамматически правильной, то ей должно было бы быть

* В двух случаях, несмотря на очевидную денотативную фиксированность, наше правило нарушается: можно сказать *мочка уха* и *кисти рук*, хотя мочка есть только у уха, а кисти — только у рук. Представляется, что в этих случаях название части тела — не *мочка* и *кисть*, а *мочка уха* и *кисть руки*.

** Конструкций с *в* на материале частей тела можно построить всего несколько; во всех этих случаях правило денотативной фиксированности работает, ср., например, **жало (язык, зубы) во рту*.

приписано не «партитивное» значение ('та часть бакенбардов, которая принадлежит подбородку'), а значение типа 'бакенбарды, такне что они принадлежат подбородку'*.

Как видим, *X* в конструкции с родительным падежом денотативно отличается от *X* в конструкции с *на*: в первом случае это прагматически цельная, неделимая часть, качественно отличная от других. Этим объясняется сомнительность сочетаний типа *шерсть спины, мех головы, шкура лап*. В связи с последним примером интересно отметить, что в русском языке легко допустимо сочетание *кожа рук*. С точки зрения русского языка, *шкура* отличается от *кожи*, так сказать, по степени денотативной однородности.

Кожа на руках — это особый объект (денотативно — только кожа кистей рук, а не, например, предплечья или локтя), противопоставленная *коже на лице* и *коже на теле***, тогда как *шкура зверя*, по-видимому, представляет собой некоторое единое целое, качественно однородное. Ср. здесь прагматически невыделенное и потому непредставимое *кожа ступни, кожа правого бока, кожа бедра*.

Последние примеры свидетельствуют о том, что выбор *У*-а в представимых конструкциях *XrY* может определяться не только правилом денотативной фиксированности, но и другими, также чисто языковыми ограничениями. Круг такого рода случаев можно расширить.

Представим себе нижнюю часть ноги. Она называется ступней. У нее есть пальцы, лодыжка, подошва, пятка. Совершенно ясно, что денотативно — это часть ступни. Однако данные отношения не представимы в русском языке: **пальцы правой ступни, лодыжка правой ступни*... Точно так же непредставимо отношение между подошвой и пяткой: **пятка правой подошвы*. Все это, с точки зрения русского языка, части ноги, такне же, как колено, бедро, икра. По отношению к частям чело-

* И, в силу правила денотативной фиксированности, сюда должен был бы «добавляться» имплицитный смысл 'есть еще и такне бакенбарды, которые принадлежат не подбородку, а другой части того же иерархического уровня'.

** Обратим внимание: *кожа рук* не является, таким образом, частью *кожи тела* — они противопоставлены как части одного уровня иерархии.

веческой руки русский язык тоже устанавливает свою «иерархию», по которой оказывается, что палец и ладонь представимы не как части кисти руки, а только как равноправные с ней части руки.

Отношение часть—целое не присуще действительности как таковой. Оно вносится человеческим разумом. Можно было бы считать, что в природе уже существует дерево или птица, как отдельные, самостоятельные объекты. Но выделять хвост или крыло птицы, ветку или корень дерева — это заведомо способ человеческого восприятия мира, зафиксированный с помощью естественного языка. Науку, изучающую этот вид отношений, называют мерееологией. Мерееология — часть логики, призванная выработать язык формального описания данного вида отношений. Приведенный выше языковой материал обнаруживает, однако, что естественный язык вырабатывает и собственную систему отношений — в нашем случае, отношений часть—целое. Исследование этой системы открывало бы лингвистическую мерееологию, изучающую логику естественного языка (в противоположность языку описания логических отношений).

* * *

Автор приносит благодарность всем, кто принял участие в обсуждении идей, положенных в основу данной статьи, в особенности М. И. Воронцовой, Е. В. Падучевой, В. А. Плунгяну, а также А. Д. Шмелеву.

Материал поступил в редакцию 28.02.89.